

792С(092)
М-64

Андрей *Миронов*

Андрей *Миронов*

достоинство самой природы человека, независимого от социального давления и житейских обстоятельств. Недаром неунывающий и ловкий Фигаро стал его главной ролью. С появлением Андрея на сцене или на экране у зрителя оттаивала душа, появлялась надежда. «Не пропадаем, ребята! — как бы говорил артист. — Никому не сделать нас до конца винтиками государственной машины, пока мы умеем над ней посмеяться!»

Его улыбка помогала нам сохранить человеческое выражение лица. Она необходима нам и сегодня, когда обрушившиеся на нас беды и напасти грозят исказить наши физиономии гримасой ненависти и злобы.

«Не пропадаем, ребята! — скажет Артист, появляясь вновь и вновь на экране. — Жизнь коротка, но бесконечна! Смерть может прийти в любую секунду, но тут же отступит, если вы не станете относиться к ней слишком всерьез... Разве не так?»

И он вновь засмеется, затанцует, запоет, и, ей-богу, нам станет неловко за свое собственное несовершенство и пессимизм.

Одним словом, продумывая будущее Андрея, я считаю, что ему завтра предстоит то, чем он занимался всю жизнь, — работа! Работа со зрителем, без которого он не мыслит себя ни минуты. Пусть же воспоминания друзей помогут ему в этом деле.

Клавдия ПУГАЧЕВА

Так давно это было

Впервые я увидела Андриюшу, когда ему было пять или шесть месяцев от роду. В 1941 году Мария Владимировна Миронова была эвакуирована в город Ташкент вместе с Андриюшей и няней, и ее временно поселили в помещении Театра оперетты, где они жили в жутких условиях. Я в Ташкент приехала раньше, и мы с мужем жили в центре города, на Пушкинской улице, в маленькой комнате, которую дали от завода мужу, но в квартире со всеми удобствами. Узнав, в каких условиях живет Маша с ребенком и няней, я предложила ей переселиться к нам. Как говорится, в тесноте, но не в обиде.

Андриюша был прелестный и спокойный ребенок с большими светлыми глазами. Даже когда у него поднималась температура, он как-то нежно и покорно прижимался к няинному плечу. Я ни разу не слышала его плача ни днем, ни ночью, даже тогда, когда он был сильно простужен и кашлял беспрерывно. Через некоторое время Марии Владимировне дали номер в гостинице. Няня, показывая на меня, говорила Андриюше: «А вот это тетя Капа. Понял? Тетя Капа», — повторяла она.

Так до конца его дней он и называл меня «тетя Капа».

После нашей первой встречи в 1941 году я увидела его, когда он был уже школьником, не то в первом, не то во втором классе. За это время у меня тоже родился сын, и я с великой нежностью относилась к ребятам.

Андриюша был упитанным и, как мне показалось тогда, малоподвижным ребенком. Взгляд у него был хитроватый. Когда няня сказала: «Вот наконец и тетя Капа пришла», Андрей, прищурившись, произнес: «Почему — наконец? А вдруг — на начало?» И сам рассмеялся. «О, да ты умеешь острить», — сказала я. Он смутился, скорчил мордочку и деловито объявил: «Пойду делать уроки». Но через секунду вышел из комнаты и спросил: «А можете вы мне рассказать что-нибудь?» Так у меня завязалась дружба с Андреем.

Как-то, когда он был постарше, я спросила его, читал ли он «Хижину дяди Тома». «Конечно, читал», — ответил он. «Ну, тогда я расскажу тебе про твою маму. Когда она была молодой актрисой, почти еще девочкой, — работала во МХАТе Втором, ей поручили сыграть роль Фанни — избалованной девочки в пьесе «Хижина дяди Тома», которую напи-

сали А. Я. Бруштейн и Б. В. Зон. У Фанни был слуга, и она заставляла его изображать собаку, которая просит еду. Слуга лаял, делал вид, что вляет хвостом, поднимал лапы, открывал рот и с мольбой смотрел на Фанни, чтобы она дала ему пищу, и Фанни бросала ему в рот кусочки булки или пирожного. «Пес» радовался и начинал от радости вертеться, а Фанни смеялась и тоже прыгала от радости. Твоя мама играла эту сцену так непосредственно и с таким удовольствием: забывалось, что это происходит в театре».

Когда я рассказывала ему об этой сценке, то довольно изображала то одного, то другого, и маленький Андрюша смеялся от души.

«Ну а еще что-нибудь расскажите, тетя Каля», — просил он, и я рассказывала, что в Ленинграде в этой же пьесе играла роль Дора — дочери плантатора Шелби. И когда на аукционе я должна была подписать бумагу о продаже дяди Тома, то услышала отчаянный крик мальчика: «Дура, Дора, не подписывай!» И через секунду все ребята в зале кричали: «Не подписывай!» Играя впервые, я никак не ожидала такой бурной реакции со стороны ребят, и у меня даже на секунду застыло перо в руке.

Андрей всегда с удовольствием слушал мои рассказы о театре. Много лет спустя, когда он был уже студентом Шукинского училища, как-то, встретив меня на улице, крикнул: «Дора, не подписывай!» Но слово «дура» он не произнес, он был хорошо воспитанным юношей. На выпускном спектакле Шукинского училища я увидела Андрюшу. И тогда уже было ясно, что он разовьется в большого художника. Он обладал выразительной мимикой, был наделен комедийной задорностью и подкупающим сценическим обаянием.

Помню, как Андрюша стал выступать на сцене. К сожалению, мне не привелось увидеть его в инсценировке романа Д. Сэллинджера «Над пропастью во ржи». Но отчетливо помню, как искусствовед Флора Яковлевна Сыркина с восхищением рассказывала мне о новом, необыкновенном артисте, которого они с мужем, художником Александром Григорьевичем Тышлером, открыли в этом спектакле:

— Он играл удивительно, точнее, не играл, а жил на сцене жизнью эмоционального, очень раннего подростка. Он глубоко трогал и волновал своей и его, героя, чистотой, непосредственностью, тревогами. Мы поразились, как безукоризненно, в зависимости от заданного действия, он двигался по сцене. Он по-настоящему пластичен, от природы наделен сценичностью, своей неповторимой манерой игры. Вот уж действительно актер Божьей милостью!

Кроме этого спектакля, я видела его во всех ролях. Бывало, стоило Миронову выйти на сцену в театре или на концертной площадке, и в зрительном зале возникало особое состояние. Я бы назвала его предвкушением радости. Нечто подобное я видела на лицах, когда произносили имя «Мария Миронова».

С Марией Владимировной я знакома с 1934 года, когда она работала в Мюзик-холле и была уже известной артисткой, имевшей большой успех у публики. А я работала напротив, в Московском театре сатиры. Могли ли мы с Машей предположить, что ее сын станет впоследствии ведущим актером Театра сатиры?

Я так и не называла его Андреем Александровичем, даже когда он стал уже сложившимся художником. Я ценила в нем не просто прекрасное, но нечто необъяснимое — очарование его чудесного таланта. Он был талантлив не только в искусстве, он был талантлив и в жизни. С ним всегда было интересно общаться. Он обладал чувством юмора, импровизационными способностями, остроумием и большой находчивостью.

Милый, обаятельный, удивительно интересный и увлекательный рассказчик... В его рассказах об увиденном и услышанном отражалась тонкая, трепетная, восприимчивая и талантливая личность, а его музыкальность, унаследованная от отца, пленяла меня и воскрешала воспоминания об Александре Семёновиче Менакере, который имел большой успех в Ленинграде, выступая на эстраде со своими песнями, сам себе аккомпанируя. Андрюша очень любил родителей, и ему всегда было приятно слушать об успехах молодого красивого юноши, каким я впервые увидела

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30